

Житие

святому преподобномученику

Афанасию, игумену

Брестскому, чудотворцу

Краткое житие преподобномученика

Афанасия, игумена Брестского

Преподобномученик Афанасий родился около 1595–1600 года в небогатой православной семье, вероятно, обедневшего шляхтича (судя по тому, что служил будущий игумен учителем при дворе магната). Возможно, он был из семьи городского ремесленника – как сам на то указывает в мемуарах, называя себя «нендзым человеком, простым, гарбарчиком, калугером убогим». Как это часто бывает, у нас нет сведений ни о месте рождения, ни о мирском имени святого; неизвестно также, чем является имя «Филиппович» – фамилией или отчеством.

Преподобномученик Афанасий Брестский был белорус и родился около 1597 года в благочестивой христианской семье Филипповичей. Он по-

лучил серьезное образование, знал богословскую и историческую литературу, о чем свидетельствует сохранившийся дневник святого.

В молодые годы святой Афанасий некоторое время был учителем в домах польских шляхтичей. В 1627 году он принял постриг от игумена Иосифа в Виленском монастыре Святого Духа. В 1632 г. инок Афанасий был рукоположен во иеромонаха и назначен наместником Дубойской (Дубовской) обители под Пинском. Святой Афанасий по особому благословению Божией Матери самоотверженно отстаивал православие в пределах исконно русских земель, захваченных Речью Посполитой. С 1638 по 1648 гг. святой Афанасий исполнял послушание игумена Брестского Симеоновского монастыря. Преподобный претерпел много обид от униатов и незаконных наказаний от властей, трижды испытал тюремное заключение. Святой был направлен властями в Киев, чтобы предстать перед духовным судом, но был оправдан, вновь возвращен в свою обитель. В течение десяти лет преподобный Афанасий, находясь в среде недоброжелательно настроенных к нему лиц, вел непрерывную борьбу за святое православие, верность которому засвидетельствовал своими страданиями.

Попытки сломить духовную целеустремленность святого были напрасными. Над ним был снова устроен суд, решением которого, за проклятие унии, преподобномученик был приговорен к смертной казни. Святой Афанасий мученически скончался в ночь с 4 на 5 сентября 1648 года (обретение мощей 20 июля 1679 г.).

Полное житие преподобномученика Афанасия, игумена Брестского

«О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно, верно, перетянуло бы песок морей!»
(Иов.6,2-3) – мог бы вспомнить слова много-страдального Иова преподобный мученик Афанасий, игумен Брестский, сражавшийся мечом духовным за православную веру, гонимый и убиенный отступниками, сыновьями лжи.

Вероятно, начальные знания Афанасий получил в одной из братских школ, где, наученные греческому и церковнославянскому языку, слову Божию и святоотеческим творениям, готовились высокообразованные люди, могущие противостоять униатскому насилию и католическому прозелитизму. Но образование, полученное в братском училище, не вполне удовлетворяло любознательного юношу, и он прошел обучение в Виленской иезуитской коллегии, куда принима-

лись молодые люди всех христианских конфессий.

Службу свою в качестве домашнего наставника молодой ученый начал в домах православной и католической шляхты, но в 1620 году жизнь его попала в иное русло: Филипповича, положительно зарекомендовавшего себя богатыми знаниями, благонравием и бесспорным педагогическим талантом, пригласил гетман Лев Сапега, канцлер Великого княжества Литовского. Гетман поручил ему воспитание некоего «Дмитровича», представленного Афанасию русским царевичем Иоанном – якобы племянником умершего в 1598 году Федора Иоанновича, внуком Иоанна IV Грозного от его младшего сына Димитрия, под именем которого в 1604–1612 годах выступало несколько самозванцев. Одним из таких «претендентов» и был представлен отец ученика Афанасия, которого поляки готовили на российский престол: Димитрий-Михаил Луба, убитый в Москве во время мятежа против ополчения Лжедмитрия I. Жена Михаила Лубы Мария умерла в заключении, а малолетнего сына взял некто Войцех Белинский, который привез дитя в Польшу и выдавал за сына Димитрия и Марины Мнишек, на самом деле повешенного. Обо всем этом было объявлено на сейме перед королем, поручившим воспитание Ивана Димитриевича Льву Сапеге.

Тот назначил содержание «царевичу» в шесть тысяч золотых в год из доходов Бреста и Брестского повета.

Семь лет служил Афанасий «инспектором» лже-царевича, приходя постепенно к уверенности, что этот «некий царевич московский», «некий Луба», «и сам о себе не знающий, что он такое», является очередным самозванцем. Уверенность эта с течением времени усиливалась, особенно когда содержание Лубы уменьшилось до сотни золотых в год, а у самого гетмана Сапеги как-то вырвалось: «Кто его знает, кто он есть!»

Став невольным соучастником политической интриги против Московского государя, известного защитника православия Михаила Федоровича Романова, сына русского патриарха Филарета, Филиппович в 1627 году оставил двор канцлера и удалился в келлию Виленского Свято-Духова монастыря, где вскоре принял постриг от наместника Иосифа Бобриковича. В скором времени по его благословению Афанасий прошел послушание в Кутеинском монастыре под Оршей, основанном недавно, в 1623 году Богданом Стеткевичем и супругою его Еленой Соломерецкой (В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования. СПб. 1892 С. 172), а затем – в Межигорской обители под Кие-

вом, у игумена Комментария (упоминается под 1627 годом) и брата Киевского митрополита Иова Борецкого – Самуила. Впрочем, уже в 1632 году Межигорский игумен отпустил Афанасия в Вильну, где тот был рукоположен в сан иеромонаха.

В следующем году Афанасий вновь покинул монастырь Святого Духа и направился в качестве наместника игумена Леонтия Шитика в Дубойнский монастырь под Пинском, также подначальный виленской монашеской обители, где и провел в заботах о братии, постах и молитвах три года.

В 1636 году ярый сторонник католического прозелитизма Альбрехт Радзивилл, нарушая изданные королем Владиславом IV «Статьи успокоения», силой изгнал из Дубойнского монастыря православных насельников, чтобы передать обитель иезуитам, которые незадолго до того стараниями того же Альбрехта обосновались в Пинске. Афанасий, будучи не в силах противостоять магнату и удержать монастырь, составил жалобу с повествованием об учиненном беззаконии, но этот письменный протест, подписанный множеством православных, не принес положительных результатов.

Изгнанный из святой обители, Афанасий Филиппович пришел в Купятицкий монастырь к игумену Иллариону Денисовичу. Обитель эта была основана в 1628 году вдовою брестского каштеляна Григория Войны Аполлонией и ее сыном Василием Коптем при чудодейственной иконе Божией Матери, написанной внутри креста, некогда сожженной татарами, а после чудесно явившейся посреди пламени. Здесь, под святым покровом «малой размерами, но великой чудесами» иконы, и проживал блаженный Афанасий в сердечной дружбе с иноком Макарием Токаревским.

Этот Макарий в 1637 году привез от митрополита [Петра Могилы](#) универсал, позволяющий сбор «ялмужны» – подаяния на восстановление Купятицкой монастырской церкви. И вот по совету братии монастыря и благословению игумена в ноябре 1637 года Афанасий Филиппович отправился собирать пожертвования. Для этого он решился на достаточно смелые действия: направился в Москву, чтобы, собирая пожертвования, искать защиты православия у Московского царя. Незадолго перед дорогой ему было видение, которого сподобился и игумен обители: в пылающей печи горел король Сигизмунд, папский нунций и гетман Сапега. Это видение Афанасий счел благим предзнаменованием скорого торже-

ства православия. Непосредственно же перед уходом в Московию Афанасий, молясь в церковном притворе, видел сквозь окошко икону Богородицы и услышал какой-то шум и голос от иконы «Иду и Я с тобою!», а после заметил и умершего за несколько лет перед тем диакона Неемию, промолвившего: «Иду и я при Госпоже моей!» Так, заручившись обетованием чудесного покровительства Пресвятой Богородицы, простившись с братией и получив благословение игумена, Афанасий отправился в путь.

Прибыв в Слуцк, он встретился с неожиданными трудностям: архимандрит Самуил Шитик отнял у него митрополичий универсал по той причине, что Филиппович не имел права делать сборы на территории, не относящейся к Луцкой епархии. Когда же в конце января 1638 года конфликт был разрешен, Афанасий со своим спутником Волковицким направился в Кутейно просить игумена Иоиля Труцевича, связанного с наиболее известными представителями русского духовенства, посодействовать в переходе границы в Московию (над границей был усилен надзор из-за того, что казаки, опасаясь расправы после недавнего бунта, бежали из Речи Посполитой в Россию).

Взяв у игумена Иоиля рекомендательные письма, «карточек сведочных о себе», – Филиппович направился в Копысь, Могилев, Шклов и вновь возвратился в Кутеинский монастырь, где наместник Иосиф Сурта рекомендовал пробраться в Московское царство через Трубчевск. Сбившись с дороги и едва не утонув в Днестре, ограбленные и избитые на одном из постоялых дворов, путешественники добрались, наконец, до Трубчевска. Однако и здесь их ждала неудача; князь Трубецкой категорически отказался выдать им пропуск, подозревая в них лазутчиков.

Вынужденный возвратиться, Афанасий посетил по дороге Човский монастырь, где один из старцев посоветовал ему сделать попытку перейти границу в районе Новгород-Северского при содействии тамошнего воеводы Петра Песечинского. Паломник с благодарностью принял добрый совет и пересек границу у села Шепелево.

Однако на этом не закончились трудности Афанасия: по пути в Москву у него произошла размолвка с послушником Онисимом, потерявшим надежду добиться поставленной цели.

Наконец, ходоки пришли к воротам столицы. В Москве они остановились в Замоскворечье, на Ордынке, где в марте 1638 года Афанасий составил записку царю, излагая свою миссию и

историю путешествия в виде дневника. В этой записке Афанасий показал бедственное положение православной церкви в Речи Посполитой, развернув картину насилий и надругательств над православием, умолял российского государя заступиться за русскую веру. Он также советовал царю сделать на воинских хоругвях изображение Купятицкой Божией Матери, с помощью которой удалось совершить столь трудное и небезопасное путешествие. Записка эта вместе с изображением чудотворного образа была передана царю. В итоге Афанасий был принят в Посольской избе, где, видимо рассказал и о готовящемся самозванце. Уже в следующем году в Польшу была послана комиссия во главе с боярином Иваном Плакидиным для выявления самозванцев; донесение главы комиссии подтвердило сведения Афанасия (Памятники русской старины. СПб. 1885. Т.8).

В Цветоносное Вербное воскресенье Афанасий покинул Москву с щедрыми пожертвованиями для Купятицкой церкви, 16 июня прибыл в Вильну, а в июле достиг пределов родной обители.

В 1640 году братия Брестского Симеонова монастыря, лишившаяся игумена, послала в Купятицы прошение благословить к ним игуменом Афа-

насия Филипповича либо Макария Токаревского. Выбор пал на Афанасия, который направился в Брест. Здесь он оказался в самом центре борьбы православия с унией, ибо Брест был городом, в котором появилось на свет и как нигде больше распространилось «греко-католичество». Еще ранее все 10 православных храмов города были превращены в униатские, и только в 1632 году православному братству удалось возвратить храм во имя Симеона Столпника с монастырем при нем, а в 1633 – церковь в честь Рождества Богородицы.

Униаты, однако, не прекратили своих посягательств, и вскоре игумену Афанасию пришлось разыскивать «фундации» на православные храмы: было найдено и занесено в городские книги магдебургии шесть документов XV века, относящихся к брестскому Никольскому братству, объединявшему монастыри Рождества Богородицы и Симеона Столпника. Найденные игуменом документы давали основания к юридическому оформлению прав Рождество-Богородичного братства, и брестский подвижник отправился в сентябре 1641 года в Варшаву на сейм, где получил 13 октября королевский привилей, подтверждавший права братчиков и позволяющий приобрести в Бресте место для постройки братского дома.

Но привилей этот надлежало ратифицировать у канцлера Альбрехта Радзивилла и подканцлера Тризны, которые отказались, даже за 30 талеров, которые мог предложить им игумен, заверить привилей своими печатями, ссылаясь на то, что «под клятвою запрещено им от святого отца папежа, чтобы более уж вера греческая здесь не множилась». Не смогли помочь игумену Брестскому и собравшиеся на сейме православные епископы, опасавшиеся, что в борьбе за меньшее можно потерять большее, вызвав волну новых преследований со стороны властей. Игумен Афанасий, однако, укрепленный в правоте своего дела благословением чудотворной иконы, вновь сделал попытку заверить данный привилей, – и вновь безуспешно. Тогда он явился на сейм и обратился непосредственно к королю с официальной жалобой – «супликой», – требуя, «чтобы вера правдивая греческая основательно была успокоена, а уния проклятая уничтожена и в ничто обращена», угрожая монарху Божией карой, если он не обуздает диктат Костела.

Обличение это, произнесенное 10 марта 1643 года, привело короля и сейм в сильнейшее раздражение. Игумена Афанасия арестовали и заключили вместе с соратником его диаконом Леонтием в доме королевского привратника Яна Железовского на несколько недель – до сеймового

разъезда. Лишенный возможности разъяснить причины своего выступления, игумен Брестский возложил на себя подвиг добровольного юродства и 25 марта, на празднование Благовещения Пресвятой Богородицы, бежал из-под стражи и, встав на улице в каптуре и параманте, бия себя посохом в грудь, принародно произнес проклятие унии.

Вскоре он был схвачен и вновь заключен под стражу, а после окончания сейма предан церковному суду. Суд для успокоения властей временно лишил его иерейского и игуменского сана и отправил в Киев на завершительное разбирательство консистории. В ожидании окончательного постановления суда преподобный Афанасий подготовил объяснительную записку на латыни, ибо предполагался приезд правительственного обвинителя. Вдали от раздраженной Варшавы и верховных властей суд, проходивший под председательством ректора Киево-Могилянской коллегии Иннокентия Гизеля, постановил, что Афанасий уже искупил свой «грех» заключением, и поэтому ему предоставляется свобода и возвращается священнический сан. Митрополит Петр Могила подтвердил это решение и 20 июня отправил преподобного в монастырь Симеона Столпника с посланием, в котором

предписывалось быть более осторожным и сдержанным в церковных делах.

Так преподобный Афанасий возвратился в Брест, где и прожил «в покое время немалое». Покой этот был весьма относительным, ибо не прекращались непрерывные нападения на обитель иезуитских студентов и униатских священников, оскорблявших и даже избивавших православных иноков.

Рассчитывая получить поддержку у новгородского воеводы Николая Сапеги, считавшегося патроном Симеонова монастыря, и в уповании на то, что он поможет исхлопотать охранную грамоту для православных берестейцев, преподобный Афанасий отправился в Краков, занимаясь одновременно сбором пожертвований для своей обители. К сожалению, поддержки вельможного воеводы найти не удалось, и преподобный направился к московскому послу князю Львову, проживавшему в то время в Кракове и занимавшемуся расследованием о самозванцах. Встретившись с ним, Афанасий рассказал о своем путешествии в Москву, а также сообщил множество фактов о Яне-Фавстине Лубе, предъявив одно из его последних посланий, определенные фрагменты которого давали основания возбу-

дить против самозванца судебное расследование.

Вызванный из Кракова в Варшаву письмом варшавского юриста Зычевского, который сообщал 3 мая 1644 года, что его усилиями грамота, порученная Афанасием к заверению у канцлера, уже снабжена необходимыми печатями, и требовал выкупить привилей за шесть тысяч злотых, преподобный Афанасий безотлагательно направился в столицу. Но, когда при проверке оказалось, что привилей не внесен в королевскую метрику и, следовательно, не имеет законной силы, игумен отказался выкупить фиктивный документ.

Вернувшись в Брест из Варшавы, преподобный Афанасий заказал в бернардинском монастыре копию Купятицкой иконы и поместил ее в своей келии; вдохновленный этим образом, он приступил к сложению новой публичной жалобы, с которой рассчитывал выступить на сейме 1645 года. Для этого же он подготовил несколько десятков копий рукописной «Истории путешествия в Москву» с изображением Купятицкой иконы Божией Матери.

Планам Афанасия не суждено было сбыться: за несколько недель до открытия сейма, летом 1645 года он был арестован и под конвоем отправлен

в Варшаву в качестве заложника за увезенного в Москву Лубу. Несмотря на ежедневные допросы и пытки, ободряемый своими последователями, о чем свидетельствует, к примеру, письмо некоего Михаила от 1 июня, игумен Брестский не прекратил публичной полемической деятельности и написал «Новины», в которых поместил свой собственный духовный стих, самостоятельно положенный на музыку:

Даруй покой Церкви Своей, Христе Боже,
Терпети болт не вем, если хто з нас зможе.
Дай помощ от печали,
Абысмы вцели зостали.

В вере святой непорочной в милы лета,
Гды ж приходят страшные дни в конец света.
Вылучаеш, хто з нас, Пане,
По правици Твоей стане.

Звитяжай же зрайцов: первой униатов,
Препозитов, также и их номинатов,
Абы болш не колотили,
В покою лет конец жили.

Потлуми всех противников и их рады,
Абы болшей не чинили гневу и зрады
Межы греки и рымляны,
Гды то люд Твой ест выбранный.

Будь же сыном Православным, униате!
Ест покута живым людем, милый брате!
Христос то тебе взывает
И Пречистая чекает...

На протяжении полугода создавал неутомимый воин Христов целый ряд статей, названия которых говорят за себя: «Фундамент беспорядка Костела Римского», «Совет набожный», «О фундаменте церковном», «Приготовление на суд». Составил он и прошение королю Владиславу, поданное 29 июня 1645 года. Не зная о судьбе этого послания, игумен написал еще одну, третью «суплику» которая была подана одним из сторонников преподобного в королевскую карету во время выезда монарха.

Суплика эта обратила на себя внимание короля, но просьба об освобождении не имела никаких последствий, несмотря даже на то что 23 июля посол Гавриил Стемпковский уговорил нового Российского государя Алексея выпустить Лубу под поручительство короля и панов. Впрочем, когда королю попытались передать статью игумена Брестского «Приготовление на суд», тот, воскликнув «Не надо, не надо уже ничего; сказал его выпустить!», не захотел принять игумена.

Вместе с тем король Владислав предложил митрополиту Петру Могиле вызвать к себе преподоб-

ного Афанасия и поступить с ним так, как сочтет нужным. Но в то же время тюремные власти подстрекали узника к побегу, чтобы получить формальное основание для его убийства. Игумен не поддался на эту провокацию, терпеливо ожидал «порядного из тюрьмы выпущения» особенно когда возник слух, что его согласился выслушать сам король. Видимо, позже сенаторы все же убедили монарха не встречаться с лишенным свободы Брестским игуменом.

3 ноября 1645 года преподобный Афанасий в сопровождении конвоя был отправлен в Киев, где пребывал в келлии Печерского монастыря. Здесь он «для ведомости людям православным» трудился над соединением всех своих трудов в единое произведение – «Диариуш». 14 сентября 1646 года, стремясь вновь заявить о своей невинности и правоте, преподобный вновь решился на это в образе юродивого Печерской монастырской церкви. Объясняя позднее это действие, он написал «Причины поступку моего таковые в церкви святой Печеро-Киевской чудотворной на Воздвижение Честного Креста року 1646» – статью, ставшую последней в его жизни.

Спустя три с половиной месяца после упомянутых событий, 1 января 1647 года скончался митрополит Петр Могила. На погребение митрополи-

та приехали все православные епископы Речи Посполитой, среди которых был и Луцкий иерарх Афанасий Пузына. Уезжая, он взял с собой преподобного игумена Брестского в качестве духовного лица, принадлежащего к его епархии, и после настойчивых прошений брестских братчиков отправил игумена в его монастырь.

Но недолгими были мирные времена. В марте 1648 года началось восстание, во главе которого стоял Богдан Хмельницкий; еще через месяц умер король Владислав. В это время в Речи Посполитой начали действовать чрезвычайные – каптуровые – суды, и 1 июля 1648 года капитан королевской гвардии Шумский сделал донос на преподобного Афанасия, которого арестовали сразу после Божественной литургии в Рождество-Богородичной церкви.

Обвинитель докладывал суду о пересылке игуменом неких посланий и пороха казакам Богдана. Преподобный опротестовал это заявление, потребовав предоставления свидетельских показаний со стороны обвинения. Обыск, проведенный в монастыре, не дал результатов. Когда об этом было доложено инспектору-обвинителю, тот в сердцах проговорился: «Ей же, чтоб вас поубивало, что не подбросили какого ворка пороха и не

сказали, будто здесь у чернецов нашли!» Впрочем, неспособные доказать собственную клевету, обвинители выдвинули другое, главное свое обвинение, и по нему решили, наконец, расправиться с праведником, который «унию святую оскорблял и проклинал».

Понимая, что ищут лишь повода к его убийству, преподобный Афанасий заявил судьям: «Затем ли, милостивые панове, приказали мне в себя придти, что я оскорблял и проклинал унию вашу? – Так я на сейме в Варшаве пред королем... и сенатом его пресветлым говорил и всегда всюду говорил по воле Божией. И перед вами теперь утверждаю: проклята уния ваша...»

После недолгого совещания судьи объявили игумена заслуживающим смертной казни. До получения из Варшавы окончательной санкции преподобный Афанасий, закованный в колодки, был посажен в цейхгауз. Когда же в Брест приехал католический Луцкий бискуп Гембицкий и канцлер Литовского княжества Альбрехт Радзивилл, несломленный игумен и в их присутствии заявил, что уния проклята Богом. На это бискуп ответил: «Будешь язык свой завтра перед собой в руках палача видеть!»

В ночь на 5 сентября в камеру Афанасия был послан студент-иезуит, чтобы сделать послед-

нюю попытку склонить к измене православию непоколебимого игумена. Попытка эта не имела успеха, и тогда с мученика сняли колодки и повели к брестскому воеводе Масальскому, который в раздражении бросил: «Имеете уже его в своих руках, делайте же с ним, что хотите!»

Из обоза воеводы гайдуки привели мученика в соседний бор у села Гершановичи, начали пытать его огнем, принуждая отречься от православия, а после приказали одному из них застрелить преподобного. Этот гайдук, который рассказал позже о гибели мученика людям, и среди них – автору повести об убиении преподобномученика, «видя, что это духовник и добрый его знакомый, сначала попросил у него прощения и благословения, а потом в лоб ему выстрелил и убил... покойный же, уже простреленный двумя пулями в лоб навывлет, еще, опершись на сосну, стоял некоторое время в своей силе, так что приказали столкнуть его в ту яму. Но и там он сам повернулся лицом вверх, руки на груди накрест сложил и ноги вытянул...»

Лишь 1 мая, через восемь месяцев после этого злодеяния, какой-то мальчик семи или восьми лет показал симеоновской братии место, где лежало тело игумена. Земля в том месте не была освящена и принадлежала иезуитам. Монахи

выкопали тело и, испросив позволения у полковника Фелициана Тышкевича, перенесли останки преподобномученика в монастырь, где погребли в храме Симеона Столпника «на правом клиросе в склепике».

Нетленные мощи игумена Афанасия, положенные в медной раке, привлекали множество богомольцев, так что и само существование монастыря, весьма бедного со дня его основания, поддерживалось преимущественно доходами от молебных песнопений у мощей, прославленных чудотворениями.

Уже спустя десять лет после мученической кончины Брестского игумена, 5 января 1658 года, Киево-Печерский архимандрит Иннокентий Гизель и Лещинский игумен Иосиф Нелюбович-Тукальский доложили царю Алексею Михайловичу, что над мощами преподобного мученика Афанасия неоднократно сиял чудесный свет.

Память о святом мученике с тех пор сохраняется в народной памяти. Вскоре после кончины было написано сказание о гибели его и сложено церковное песнопение в его честь; существуют также тропарь и кондак, написанные архимандритом Маркианом 30 августа 1819 года. Когда было установлено официальное празднование – неизвестно, однако Афанасий Брестский имену-

ется преподобным мучеником, причисленным к лику киевских святых, еще в «Истории об унии» святителя Георгия Конисского.

8 ноября 1815 года при пожаре в Симеоновской церкви расплавилась медная рака с мощами святого Афанасия, и уже на следующий день священник Самуил Лисовский нашел частицы мощей мученика и положил их на оловянном блюде под алтарем монастырской трапезной церкви. В 1823 году при принятии церковного имущества новым настоятелем Автономом подлинность их была засвидетельствована присяжными показаниями семи брестских жителей, присутствовавших при собирании частиц мощей после пожара. Вскоре Минский архиепископ Антоний по просьбе Автонома распорядился «положить мощи в ковчег и хранить оные в церкви с благоприличием».

20 сентября 1893 года был возведен храм во имя святого преподобномученика Афанасия Брестского в Гродненском Борисоглебском монастыре, а осенью следующего года частица его святых мощей была перенесена в Леснинский женский монастырь.

Господь прославил многочисленными чудотворениями останки Своего угодника. В ноябре 1856 года помещик Поливанов, возвращавшийся из-

за границы, был вынужден остановиться в Бресте по причине неожиданной болезни своего десятилетнего сына. Когда мальчик был уже при смерти, отец просил священника принести ковчег с мощами преподобного Афанасия. Когда умирающий ребенок прикоснулся к святым мощам – он полностью исцелился. Тогда же святыня была положена в позолоченную раку, а в 1894 году над ней была изготовлена сень с изображением святого Афанасия. Еще одно чудо – исцеление смертельно больного протоиерея Василия Соловьевича – произошло 14 мая 1860 года.

Духовный подвиг угодника Божия засвидетельствован в надписи над его гробом:

О матко моя Церкви Православна,
В которой правдиве мешкает Бог здавна!
Тобем помогал речью и словами
Я, Афанасий. И всеми силами,
А найвенцей о том своего стараня
З Боскогом, власне, чинил розскозаня,
Абы не была унея проклятая
Тут, толко ты одна, Церкви святая!
Тепер мусилем юж так уступити,
О кривду твою будучи забитый
От рук шляхетских под час козаччизни
В Берестю Литовском, на своей отчизни.

Пред се ты, Церкви, туши добре себе!
Бог еще будет Сам помочен тебе!
Найзрит з Своей святой столици
До тебе, бедной, скажоной винници.
Хто в сердцу имя Христово меть буде,
Того Он в Царствии Своем не забуде.
Он ми дал, жем стал в Вилни законником,
Тут игуменом, а вперед священником.
Тот же ми казал и тепер знать давати,
Же юж пришел час Сион ратовати. Амин.

В высоких вдохновенных чертах воскресает перед нами этот священный образ великого поборника Православия, не пощадившего ради веры и ближних своей жизни. Глубоко религиозный, беззаветно преданный вере своих отцов, он возмущается духом и выражает словом и делом свой священный гнев против притеснения православных христиан надменными латино-униатами. С твердой верою в свое призвание Богом он выступает на борьбу за своих угнетенных братьев. "Я не пророк, а только слуга Бога Творца моего, посланный согласно с временем, чтобы говорить каждому правду... Он для того послал меня, чтобы я наперед возвестил об истреблении проклятой унии". Такими были слова твердого, непреклонного и вдохновенного борца за Православие, глубоко веровавшего в победную силу истинного исповедания.

Всецелое утверждение православия и окончательное, полное уничтожение унии – вот в чем видел святой Афанасий свою единственную цель, за осуществление которой он отдал свою святую жизнь. Кроме этой цели, для него не существовало иной, ибо он уже не жил своею личною жизнью. Покоряясь воле Божией, он не задумывался над опасностями, не взирал на препятствия, чтобы исполнить свой святой долг. Смелые, одухотворенные речи и письменные ходатайства, публичные жалобы на собраниях и добровольное юродство во Христе – все эти средства испытывались преподобномучеником Афанасием для достижения и торжества заветной цели – утверждения православия в исконно русской земле. Однако, отвергая унию, он проникся глубоким чувством братского сострадания и любви к тем, кто стал жертвой униатского влияния. Праведность и искренность в отношении к ближним отличали святого Афанасия на протяжении всего подвига. По существу в одиночестве, окруженный явными и скрытыми врагами, святой подвижник оставался незыблемым защитником и столпом православия, укрепляемый только светлой верой в его торжество и истинность. Не страшила его мученическая смерть, потому что он провидел исполнение своего пророческого предсказания: "Уния исчезнет, а православие зацветет".